

Учение о семейной жизни святитель Филарет Московский (Дроздов)

Читая духовные книги без указания, вы опасаетесь, как бы вам не впасть в какие-либо неправильные мысли и неправильные мнения. Опасение ваше весьма основательно. Поэтому... не читайте без разбора всякие новые сочинения, хотя бы и духовного содержания, но таких сочинителей, которые не подтвердили своего учения святостью жизни, а читайте творения таких отцов, которые признаны Православной Церковью за твердо известные и без сомнения назидательные и душеспасительные.

(Преп. Амвросий Оптинский)

Предисловие

Вопросы существенной важности, имеющие, без сомнения, живой интерес, например, – о браке, девстве, отношениях супругов, о направлении в воспитании и образовании детей, взаимных отношениях членов семьи, значении семейных начал для общества и государства, – решаются в настоящее время различным образом, иногда, по-видимому, и на почве христианской, но далеко не в истинно христианском и библейском духе; и понятно – односторонние и неправильные воззрения оказывают вредное влияние на саму жизнь. Между тем, семейные начала, согласные с духом библейско-христианского учения, неизмеримо высоки, чисты и совершенны; нужно только, по возможности, понять, уяснить, «верно выразуметь» их полное значение и благотворность. И в этом отношении не бесполезно познакомиться с учением о семейной жизни великого иерарха нашей Русской Церкви, святителя Филарета, митрополита Московского.

В многочисленных своих трудах и произведениях он представляет неисчерпаемый источник для уяснения и правильного разумения различных вопросов богословского знания. Знакомство с этим источником дает право утверждать, что свт. Филарет настолько же является великим нравоучителем, насколько догматистом, толкователем Священного Писания, канонистом и т. п. Можно сказать, что нет ни одной нравственной истины, которая не была бы обдумана его светлым, гениальным умом. В нравоучении знаменитого нашего Владыки сказываются широта библейских воззрений, высота христианской мудрости, глубина богословствования в истинном духе Слова Божия и Церкви Апостольской. Оно имеет полное значение и в том отношении, что указывает на целостность религиозно-нравственного мирозерцания, в котором две стороны – религиозная и нравственная – должны быть в неразрывной, тесной связи. «Истина религиозная и нравственная, – говорит свт. Филарет, – суть лучи одного света: где первая смешана с заблуждением, там не чиста и последняя»¹. Рассудочность, тонкий анализ, строгая логика и неумолимая, геройская последовательность выводов составляют особенности раскрытия святителем нравственных истин и понятий. Такими высокими достоинствами и качествами отличается учение свт. Филарета и о семейной жизни, собранное нами в одно целое из различных его произведений и предлагаемое благосклонному вниманию ревнителей истинного просвещения и христианского благочестия

буквально, т.е. в словах самого же святителя: язык его отличается высокими, можно сказать, неподражаемыми качествами – точностью, сжатостью, выразительностью и художественностью.

Часть первая. Брак и девство²

1. Брак – таинство, его установление, свойство и назначение.

«Брак есть таинство, в котором при свободном, пред священником и Церковью, обещании женихом и невестой взаимной их супружеской верности благословляется их супружеский союз во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия, к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей»³. Брак установлен Самим Богом в раю. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сделаю ему помощника, соответственного ему... И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку (Быт. 2: 18, 22). «Сотворению жены предшествует Совет Божий, подобно как и сотворению мужа, но не столь торжественный. Теперь Бог не говорит: сотворим, но сделаю. Эта разность выражений следует различию двух советов, из которых один заключает всеобщее и существенное предопределение человека, а другой – частное, только дополнение первого»⁴. «Не хорошо было Адаму быть одному, вероятно потому, что при обозрении животных он уже почувствовал нужду в помощнике, подобном ему (Быт. 2: 20)». «Следствием обозрения и наречения животных было то, что для человека не нашлось помощника, подобного ему. Не нашлось – более значит, нежели – не было. Первое предполагает понятие искания, или желание предмета. Из этого видно, что рассматривание животных, сотворенных по четам, привело человека к мысли о чете человеческой» ["Было ли особенное намерение Божие ввести его в эту мысль, или он вошел в нее только следуя образам чувственного мира, этого вопроса Моисей не разрешает. По крайней мере, Бог оправдывается в сотворении опасной помощницы тем, что человек сам измыслил ее»⁵]. «Закон брака» заключается в следующих словах: Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть (Быт. 2: 24). «Сей закон произнес Адам тотчас по сотворении жены, конечно – не без Духа Божия, ибо на сей самый закон, как на коренное учреждение брака, указывает Сам Спаситель (Мф. 19: 5)»⁶. В приведенных словах «свойство супружеского союза объясняется сравнением его с естественным союзом между родителями и детьми и показывается, что первый неразрывнее последнего» ["Впрочем, оставление отца и матери и прилепление к жене относится к общежитию, но не простирается на любовь и благодарность детей к родителям. Отлучение от отца и матери приписывается мужу потому, что муж, а не жена,

основывает дом и семейство, отдельное от родительского»⁷]. «Тесный союз супружества выражается еще с большей силой наименованием одной плоти: сотворенная жена сочетается с мужем в такой союз, по которому оба составляют плоть одну»⁸. «Точный разум сего первоначального и всеобщего закона о супружестве таков, что им исключается многоженство и своевольное расторжение брака, но не девство и целомудрие»⁹ [«И взял себе Ламех две жены (Быт. 4: 19). Вот начало многоженства. Поступок Ламеха осуждается не только первоначальным законом брака и высоким Евангельским учением, но и законом брака Моисеевым (Лев. 18: 18). Правда, подобное несовершенство брака терпимо было в патриархах, но тогда, когда жизнь человеческая приметным образом сократилась, а вера патриархов и самое смотрение Божие требовали скорого размножения избранного племени. На многоженство Ламеха, при котором не видим таковых обстоятельств, не иначе можем взирать, разве как на действие своевольства или преобладающей чувственности»¹⁰. «К извинению Аврама в его двоеженстве (Быт. 16: 1–4) должно заметить: а) что оно предложено ему было от супруги, и сим самым было уже удалено от всякого вида невоздержания; б) что неплодство Сары давало Авраму право на второе супружество, равно как и Сара по сей же причине могла сообщить Агари свое право, решась сама им не пользоваться; в) что их поступки освящаются намерением приобрести обетованное семя; г) что, наконец, если какие слабости смертных покрыты уже милосердием Испытующего сердца, то напрасно осуждаются они человеками по единой наружности»¹¹]. Апостол Павел слова книги Бытия о супружеском союзе дополняет следующими: Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь (Еф. 5: 31–32). Следовательно, «на супружество (должно) взирать, как на союз не только естественный, но и духовный, имеющий высокий таинственный образ свой в союзе Христа с Церковью»¹². А «поелику брачный союз христианский есть таинство и образ союза Христа с Церковью, то совершенный брачный союз может быть только один, так как Христос имеет единую только невесту – Церковь, и Церковь – только единого жениха, Христа» [«Отсюда мудрость Православной Церкви заключается в том, что она для всех христиан совершенным признает один брак. Второй брак допускает она по снисхождению к немощи человеческой, а третий допускает неохотно, с епитимией, как не свободный от греха, отвращая сим несовершенным делом большее зло, любодеяние вне брака. Посему совершенно справедливо, чтобы брак священника был один брак, преимущественно совершенный, а не такой, какой и в мирянах признается несовершенством»¹³].

«Важен супружеский союз: ему вверено Богом продолжение бытия рода человеческого». Непосредственно по созданию, муж и жена «приемлют от Творца благословение умножения рода своего, по Его намерениям, в чистоте побуждений и радости чадолюбия» (Быт. 1: 28). «Обетованием умножения рода Бог дает человеку силу производить подобных Себе, почему не нужно искать иного источника человеческих душ, кроме души первого человека. Через то же обетование Бог есть Творец отдаленнейших потомков Адама, равно как и его самого. И поелику каждый рождается со способностью рождать, то нет сомнения, что в Адаме получил сие благословение весь род человеческий. Оно сохранилось и среди всеобщего проклятия, ибо глубоко насаждено в природе человека»¹⁴ ["Обетования многочадия не должно принимать за повеление, налагающее необходимую обязанность рождать детей. Подобное благословение дано и безсловесным (Быт. 1: 22), для которых оно, конечно, уже не есть обязанность. Но Бог изрекает и обетования Свои так, как повеления: ибо властью призывает и поставляет пред очи события оных»¹⁵]. «Посему Слово Божие признает детей не столько достоянием родителей, сколько собственностью Божией: се достояние Господне сынове, мзда плода чревяго (Пс. 126: 3). Какая мать могла когда-либо сказать: буду иметь плод? Какой отец мог сказать: буду иметь сына?.. Зачатие и рождение совершаются не без Промысла Божия; то и другое есть Божие дело, Божий дар»¹⁶. Итак, для супругов «благословением и счастьем признается видеть своих детей, яко новосаждения масличная, окрест трапезы (Пс. 127: 4, 5)»¹⁷. Если Господь заповедью – плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю (Быт. 1: 28) – «вверил людям как бы продолжение Своего творческого действия», то, следовательно, в учении тех, которые «совсем отвергают брак»... «восстают против брака усильнее, нежели против того, что осуждается законом брака, а иные против истинных законов брака вооружаются не только лжеучением, но и железом, – ясны черты духов лестчих и учений бесовских»¹⁸. «Непонятно, как (такие наставники) не слышали и не слышат, какой страшный гром апостольского слова гремит над их новоизобретенным мудрованием и над их головами. Устами святого апостола Павла Дух... явственне глаголет, яко в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим и учением бесовским, в лицемерии лжесловесник, сожженных своею совестью, возбраняющих жениться (1Тим. 4: 1–3). К чему ведут не имеющих дарования девства учителя всеобщего безбрачия? Не приближают ли к пропасти порока и потом к бездне ада?»¹⁹. «Христос Спаситель о безбрачной жизни сказал Апостолам: не вси вмещают словесе

сего, но имже дано есть, т.е. не все могут пребыть безбрачны, а только некоторые имеют дарование всегдашнего девства: могый вместити да вместит (Мф. 19: 11, 12)»²⁰. Так что каждый «может с мирной совестью, согласно с словом Христовым, избрать то, что может вместить: или святое девство, или благословенный брак, не опасаясь тех никем не благословенных наставников, которые мечтают своей заповедью разрушить всенародное благословение Божие человекам: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю (Быт. 1: 28)»²¹.

2. Учение о девстве.

«Девство лучше супружества, если кто может в чистоте сохранить оное». «Состояние девства выше брака». О сем сказал Иисус Христос: не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть... могий вместити, да вместит (Мф. 19: 11, 12). И Апостол говорит: Глаголю же безбрачным и вдовицам: добро им есть, аще пребудут, якоже и аз... вдаяй браку свою деву добре творит: и не вдаяй лучше творит (1Кор. 7: 8, 38).²² «На словах – не хорошо быть человеку одному (Быт. 2: 18) – не должно утверждать необходимость супружеского состояния для каждого человека. Сотворение жены не могло дать первому человеку высшего совершенства, нежели в каком он сотворен прежде ее; и есть обстоятельства, в которых хорошо человеку не касаться женщины (1Кор. 7: 1)»²³.

Как смотрел на девство ветхозаветный мир, и каково учение Нового Завета о «превосходном достоинстве девства»? «Мир ветхозаветный ревновал о чадородии, а потому и о браке, домогаясь родить Спасителя мира. Он так мало понимал и чтит девство, что девство, навсегда чуждое брака, было для него предметом оплакивания. Дочь Иеффаева, которая должна была умереть, не познав мужа, не только иде сама и другини ея, и плакася девства своего на горах, но и после смерти ее от дний до дний исхождаху дщери Израилевы плакати о дщери Иеффая Галаадитинина четыре дни в лете (Суд. 11: 38, 40). Жизнь Иоанна Крестителя и еще прежде жизнь пророков Илии и Елисея – вот ранние указания на достоинство девства; но и сии указания в свое время не поняты, потому что евреи чаще видали пророков, не чуждающихся жизни супружеской, как, например, Моисея, Самуила и других. Были от начала мира человеки Божии, но первая Дева Божия есть Преподобная Мария. В непорочности младенческой быв посвящена Богу на всегдашнюю чистоту, Она сделалась первым, навсегда непоколебимым, основанием ангельской на земле жизни» [Скажут, что «девство Пресвятой Богородицы, избранное быть приятельцем воплощения Сына Божия, есть единственное в роде человеческом, которое как перед собой не имело примеров, так и после себя не будет иметь подражателей. То правда, что не будет ни другого воплощения Бога Слова, ни другой Матери Божией, однако из сего не должно заключать, будто девство Преподобной Марии не представляет нам никакого примера для подражания, не подает никакого учения для жизни. Если Дева Мария удостоена высочайшего избрания по благодати Божией, то равномерно, и по правде Божией. Превыше всех

вознесена Она избранием, потому что превьше всех явилась достойной избрания по своим душевным качествам и расположениям и, между прочим, по чистейшему девству, которым Она, как солнце, возшла очевидно превьше всего древнего, верно же, и превьше всего грядущего мира. Отсюда надлежит заключить, что если Препоблагословенная Мария чистейшим девством достигла высочайшего и беспримерного избрания Божия, то хотя и невозможно равное сему избрание, однако, подражающий по возможности Ее девству, по правде Божией может, подобно Ей, уповать особенной благодати Божией, особенного избрания, особенного приближения к Богу. Если Ее одну девство соделало Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим, то Ее подражателей, по крайней мере, оно может соделать равными Ангелам. Если Ее одну девство соделало осененной скинией Духа Святого, Матерью Сына Божия, то может оно тем не менее и другие души соделать дочерьми Божиими, ближними Царя Небесного, невестами Христовыми. Сие именно возвещает нам тайно-знаменательный псалом: приведутся Царю девы в след Ея (Пс. 44: 15)²⁴. «Состояние, в котором ни женятся, ни посягают, следственно, всегдашнее девство, Господь называет состоянием равноангельным: в воскресение ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть (Мф. 22: 30); или, как пересказывает другой Евангелист, равни... суть Ангелом (Лук. 20: 36).

Девство не только для многих возможно к соблюдению, но и для всех вожделенно. Апостол Павел к Коринфянам говорит: Хошу бо, да вси человецы будут, якоже и аз (1Кор. 7: 7). Что значит: якоже и аз? Это изъясняет он далее в том же Послании: Еда не имамы власти сестру жену водити... Но не сотворихом по области сей: но вся терпим, да не прекращение кое дамы благовествованию Христову (1Кор. 9: 5, 12), т.е. он лишил себя помощи и утешений брачного состояния, чтобы тем беспрепятственнее заниматься проповеданием Евангелия. Следственно и всем Апостол желал бы того, чтобы посветили себя на служение Богу и благочестию в девстве. Хотите ли видеть высокий жребий, уготованный девству от Бога? Смотрите очами тайновидца Иоанна: И видех, и се. Агнец стояше на горе Сионстей, и с ним сто и четыредесять и четыре тысячи, имуще имя Отца Его написано на челех своих. Он слышал их поющих песнь нову пред престолом Божиим: и никтоже можаше навькнути песни, токмо сии... Сии суть, иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть: сии последуют Агнцу, аможе аще пойдет. Сии суть куплени от людей первенцы Богу и Агнцу (Откр. 14: 1–4). Видите превосходное достоинство девства?»²⁵

«Что же такое девство, и как эта добродетель совершается? Каждый по собственному опыту знает девство как естественное состояние, предшествующее браку, не испытавшее тайн брака, не пробужденное к познанию их. Но это есть только несовершенный начаток того, о чем беседуем. Это еще только трава лилии, а не цвет; только леторасль (росток) яблони, а не яблоко благовонное. Девство младенчества по тому самому, что есть просто естественное состояние, не есть ни дело свободы, ни плод подвига, следственно, не есть еще добродетель. Прилично называется оно невинностью, потому что в нем нет вины, противоположной девству, – но и все тут, а еще нет в нем превосходного достоинства, принадлежащего девству совершенному. Девство как подвиг, как добродетель, как цвет чистоты, как плод целомудрия, как путь совершенства, является тогда, когда человек в возрасте, по обыкновенному ходу телесной природы, более или менее располагающему к супружеству, не предаваясь влечению природы, не увлекаясь обычаем, примерами, приятностями и нуждами общежития, решается не приобщаться браку, а соблюсти девство навсегда»²⁶.

«Несправедливо естественную склонность человека к другому полу представлять непобедимой, за исключением разве одного человека из тысячи. Так думать – значит представлять в человеке скотскую природу преобладающей, а духовную – ничего не значащей: мнение – противное достоинству природы человеческой и оскорбительное для Творца ее. Есть в поврежденной грехом природе человека брань плоти против духа; но против нее христианская вера доставляет совершенно победоносную помощь. И опыт представляет множество людей, частью по обету или по обязанности, частью без обязанности, провождающих чистую жизнь в совершенном безбрачии или вдовстве»²⁷. «Непреодолимое побуждение плоти не должно быть принято в уважение, потому что законом Христовым все мы обязаны распинать свою плоть с ее страстями и похотями (Тал. 5: 24). А для успеха в сем святые отцы обыкновенно располагают к усердной молитве и посту. О молитве же Сам Господь сказал: Просите, и дастся вам... всяк бо просяй приемлет (Мф. 7: 7, 8)»²⁸.

«Но как и подвизающийся не будет увенчан, если незаконно будет подвизаться (2Тим. 2: 5), то решающийся на подвиг девства должен знать, всегда помнить и соблюдать главный закон сего подвига, состоящий в том, чтобы подвиг девства предпринимался и проходим был для Бога. Царствия ради небесного, – говорит Сам Верховный Законоположник девства Иисус Христос (Мф. 19: 12); и Апостол: Не женившись печется о Господних, како угодити Господеви... не посягая печется о Господних, како угодити

Господеви, да будет свята и телом и духом (1Кор. 7: 32, 34). Угождение Богу и для сего освящение духа и тела есть цель подвизающихся в девстве. Кто бежит на поприще девственной жизни не к сей цели, тот не к венцу бежит. Для того девственник и устранивается от супружества, чтобы особенная склонность к существу земному не задерживала или не кривила его стремления к Богу. По этому стремлению всей силой ума и любви к Господу, и по направлению всей деятельности к благоугождению Ему, девствующая душа и называется невестой Небесного Жениха.

Из этого главного закона девства нетрудно уразуметь, что телесное удаление от всего, принадлежащего браку, не есть совершенное девство, а только низшая степень оно: ибо стремление и приближение к Богу, как Существу духовному, может и должно совершаться собственно в духе; девство же тела отъежает только препятствия стремлению духовному и пресекает стремления противоположные. Отсюда происходят разные подробные правила девства.

Господь сказал: всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем (Мф. 5: 28). Посему, как есть любодеяние сердца, так должна быть и противоположная сему пороку добродетель – девство сердца. Подвизающийся в сей добродетели должен сохранять сердце свое чистым от всякого плотского вожделения, от всяких помыслов, противных целомудрию; невольные приращения нечистых помыслов без укоснения отражать, для сего бдеть осторожно над движениями своих помышлений и желаний, занимать и ограждать ум и сердце свое то упражнением в Слове Божиим, то внимательной внутренней молитвой.

Как Господь показал, что любодеянию сердца бывает служителем око, то в противоположность тому и око надлежит обучать, чтобы оно служило девству, т.е. отвращать взоры от всякого соблазнительного предмета, а на представляющиеся неизбежно – взирать без страсти, без помысла, видя не видеть и, как можно скорее, пресекать опасное видение, т.е. умерщвлять чувство зрения, по завещанию Господнему: аще же око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе (Мф. 5: 29). Отсюда покрывало на очах, пустынножительство, затворничество. Но если для охранения девства от соблазна и нечистоты нужно умерщвлять чувство зрения, то, по сравнению, можно понять и убедиться, что подобным образом нужно умерщвлять и прочие чувства, как то: слух – от слышания нескромных и соблазнительных речей, вкус, обоняние, осязание – от соответствующих им ощущений, наклоняющих к неге и роскоши. Отсюда упражнение в молчании, пост, сухоядение, простота и суровость в одежде, одре, жилище,

порабощение и умерщвление тела трудом, молитвенными бдениями, коленопреклонениями. Чтобы изобразить девство одним словом, можно привести прекрасное и многозначительное изречение святого Златоуста: корень и плод девства есть жизнь распятая (О девст., гл. 79)»²⁹.

3. О благословенном рождении детей.

«Кто из желающих сделаться, или уже сделавшихся родителями не пожелал бы иметь детей добрых, благословенных? Но как не все дети соответствуют желаниям родителей, то, естественно, рождается вопрос: как достаются дети добрые, благословенные?» Это явление, что «добрые дети бывают не только у добрых, но иногда и у худых родителей и, напротив, у добрых родителей бывают не только добрые, но иногда и худые дети», нельзя объяснить простым изречением: «Так случается». «Когда пшеница родится на поле, где пшеница посеяна, мы не говорим, что это так случается. Но когда видим пшеничный колос, выросший на лугу, где пшеница не сеяна, говорим, что это так случилось», чем хотим сказать «без сомнения не то, что колос родился без семенного зерна, или что семенное зерно само собой сделалось из земли, или что-нибудь подобное, но то, что нам неизвестно, как семенное зерно занесено сюда – ветром или уронено здесь проходим. Следственно, мысль, что добрые или худые дети достаются родителям как случится, – мысль, которая могла бы приводить в уныние особенно добрых родителей, и даже выражала бы некую несправедливость судьбы против них, по счастью, неосновательна и совсем ничтожна; это слова, которые выражают не более как отсутствие мысли, способной изъяснить событие.

Как же достаются добрые дети? – Недолго искать на сие закона, если видим добрых детей у родителей также добрых, благоразумных и попечительных о воспитании. Вопрос разрешается, если скажем, что это также естественно, как то, когда на поле, где посеяна пшеница, пшеница же и родится, а не плевелы. Врачи не признают ли за несомненное, что некоторые болезни переходят от родителей к детям? Еще менее может подлежать спору, что здоровье родителей наследуют дети, если особенные причины не похитят у них сего естественного наследия. Также смотря на лица детей, не ищем ли мы обыкновенно сходства с лицом родителей? Итак, если мы находим, что родители самим себе обязаны за некоторые телесные совершенства или недостатки своих детей: что препятствует то же в некоторой степени заключить и о высших свойствах душевных, о предварительных склонностях и расположениях?» «Не есть ли даже удобопонятнее открытие чего-нибудь наследственного в душе, которая, как существо несложное, все свои способности и силы раскрывает из себя самой, из внутреннего духовного корня бытия, полученного с рождением, нежели в теле, которого устройство так много зависит от внешней,

стихийной природы?»

«Кому дано сие благословение Божие: плодитесь и размножайтесь, телу ли человека, которое без души и не понимает сего благословения и не может исполнить оно, или целому человеку, и особенно душе его? К телу ли относится сие слово Писания: сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его (Быт. 1: 27)? Бог бестелесен, следовательно, человек сотворен по образу Божию в душе. Что значит написанное о Адаме: роди сына по виду своему и по образу своему (Быт. 5: 3)? То ли, что между Адамом и Сифом было сходство в чертах лица и в строении тела? Стоило ли труда вносить столь мелочное замечание в повествование столь священное и притом столь краткое? И сличение представляемого теперь образа Адамова с указанным образом Божиим не ясно ли дает разуметь, что священный писатель говорит о внутреннем образе, духовном и нравственном? Творческое слово: плодитесь и размножайтесь, насадило в Адаме способность рождать благословенных чад и передавать им в наследие образ Божий, по которому он сам сотворен; но когда грехом поврежден сей образ в нем, тогда хотя по силе первоначального творческого слова и мог он родить сына, но не мог сообщить ему более того, что в самом оставалось, роди сына не по образу Божию, полному и совершенному, но по виду своему и по образу своему, т.е. с некими останками образа Божия и с неким примешением греха и повреждения Адамова. Вот и первоначальный Божественный и последовательный естественный закон рождения человеческого. Будучи внесен в книгу Бытия по случаю рождения Сифова, он никогда не уничтожен. И теперь естественно, чтобы родители рождали детей по виду своему и по образу своему, – чтобы от грешников рождались грешники, подобно как от чахоточных рождаются чахоточные, но чтобы от тех, которые свободным упражнением в покаянии, молитве и делании добра, при помощи благодати Божией, ослабили в себе греховные и усилили добрые склонности, рождались и дети с некоей предварительной помощью к добру, против силы греха, впрочем всегда преодолимой свободой и наипаче благодатью»³⁰.

«Примечательное указание на сей закон рождения представляет священная история в лице жены Маноевой. Ангел является ей и предсказывает, что она, быв дотоле неплодна, родит сына, и что назорей Божии будет сие отроча от чрева (Суд. 13: 5). И с сим вместе он велит ей с сего времени начать и продолжать во время беременности назорейям свойственный образ воздержания: от всего, еже исходит из винограда, да не яст, и вина и сикера да не пьет (Суд. 13: 3–5, 14). Это почти то же, как

если бы он сказал ей: сын твой должен быть назореем; но чтобы сие вернее могло сделаться, приготовь его к сему образу жизни, когда будешь носить его во чреве твоём; веди образ жизни свойственный назореем и, таким образом, приготовь в нем способность и склонность к назорейскому образу жизни»³¹.

«Чтобы общий закон рождения согласить с особенными случаями, которые, по-видимому, составляют исключение из одного и даже противоречат одному, когда, например, от добрых родителей рождаются дети, их недостойные, или добрые дети – от родителей недостойных, или от родителей обыкновенных – дети необыкновенные, для этого надлежит вспомнить, что Бог есть сколь всемогущий и неизменный в судьбах Своих Законодатель мира, столь же премудрый и всесвободный Правитель одного, и всеправедный Судья не только видимых дел, но и сокровеннейших расположений человеческих. Объяснимся примерами. Один и тот же Адам каких разнообразных рождает детей – Каина, Авеля, Сифа!» Но и здесь должно примечать «один общий закон рождения». «Адам, свежим, так сказать, ядом недавно соделанного греха напоенный и недавним обетованием избавления поставивший себя в некую еще незрело обдуманную дерзость надежды, рождает Каина – дерзкого грешника. Адам, в несчастном рождении Каина испытавший тягость проклятья, привлеченного грехом, обманутый надеждой, униженный суетой, рождает Авеля – кроткого, но непрочного». «Каин был сын надежды, Авель – сын сокрушения: сии различные чувствования могли иметь влияние на рождение, воспитание и образование детей»³². «Наконец, Адам, продолжением скорбей глубже укоренившийся в смирении, терпением утверждённый в надежде и надеждой в терпении, рождает Сифа – надежное основание своего потомства.

От одного Авраама рождается Исмаил, дикий осел, по выражению предсказания о нем, и Исаак – благословение всех народов. Отчего такая разность? Оттого, что мятежная рабыня Агарь повредила в Исмаиле благословию Авраамову, а добродетельная и смиренная Сарра с благословением Авраама самым чистым и совершенным образом сочетала в Исааке и свое благословение, по реченному о ней к Аврааму: благословлю же ю и дам тебе от нея чадо и благословлю е, и будет в языки, и царие языков из него будут (Быт. 17: 16).

Еще страннее может казаться рождение от Исаака и Ревекки одним разрешением утробы столь непохожих один на другого сынов, как Исав и Иаков. Что же можно сказать в изъяснение сего необычайного явления? То, что сказано Богом самой Ревекке: два языка во утробе твоей суть (Быт.

25: 23). Два противоположных начала в одно время действовали в чреве ее: прирожденный грех Адамов и Божие благословение; одно усилилось в Исае, другое превозмогло в Иакове. Возьмем еще один пример превратного нравственного хода рождения из истории царей иудейских. Сыном идолопоклонника Ахаза был благочестивый Езекия, а сын Езекии, Манассия, опять идолопоклонник, хотя, впрочем, не нераскаянный. Эта превратность изъяснилась бы, может быть, очень просто, если бы имелись достаточные сведения о воспитании этих царей: ибо у людей богатых и знаменитых судьба детей иногда в большей мере зависит от детоводителей и наставников, из коих добрые становятся благодетельными орудиями Провидения, а худые – орудиями наказания за пороки родителей и за небрежение о воспитании.

Но кроме этого надлежит принять в рассуждение, что Божеские благословения и наказания в родах не всегда идут следом за добродетелями и пороками каждого лица в роде; но иногда ускоряются, чтобы пресекать зло и усилить благо в человечестве вообще, а иногда отстают, чтобы дать место долготерпению, или чтобы сберечь доброе на время, когда оно наиболее нужно. Господь, – как взывает Он Сам о Себе, – Господь Бог щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив и истинен, и правду храняй, и творяй милость в тысящи, отъемляй беззакония и неправды и грехи, и повинного не очистит, наводяй грехи отцев на чада, и на чада чад, до третияго и четвертого рода (Исх. 34: 6–7). Если бы кто стал жаловаться на строгость, наводящую грехи отцов на чада... до третияго и четвертого рода: всеблагий Бог с избытком оправдывает суды Свои милостью, которую простирает не на четыре только рода, но на тысящи оных». Таким образом, «сии размышления и примеры показывают, что супружество и звание родителей не суть такие предметы, которые бы можно ненаказанно предавать в жертву страстям и в игрище легкомыслию, и что желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями»³³.

4. Обязанности супругов.

От супругов требуется, чтобы они хранили «брак честен и непорочен», жили целомудренно. «Девство и брак не для всех, но целомудрие для всех. Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком... да отвергшися нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце (Тит. 2: 11, 12). Что значит целомудренно? Или в чистоте девства, или в честности брака, в том и другом случае с отвержением мирских похотей, и в особенности плотских похотей, яже воюют на душу (1Петр. 2: 11)»³⁴. Следовательно, супруги «должны убежать плотской нечистой любви»³⁵. «Под именем целомудрия Спаситель учит более, нежели одной телесной чистоте: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердца своем (Мф. 5: 28)». Равным образом и словами заповеди: не пожелай жены искреняго твоего (Исх. 20: 17) – «запрещаются мысли и желания сладострастные или внутреннее прелюбодеяние», не упоминая уже о той «мерзости, о которой апостол Павел советует и не говорить христианам (Еф. 5: 3), – прелюбодействе, когда находящиеся в супружестве незаконно обращают супружескую любовь к посторонним»³⁶. «Когда запрещается грех любодейства, то чрез сие предписывается супружеская любовь и верность»³⁷.

«Супружество имеет важное значение по отношению к Провидению Божию и к семейству. Бог, сотворив первых человек, им самим и их потомкам вверил дальнейшее произведение людей на свет, вверил как бы продолжение Своего творческого действия. Какой великий дар! И можно ли думать, что Провидение Божие оставит без внимания злоупотребление сего великого дара, и что злоупотребителей не постигнет правосудие Божие? Действие сего правосудия не всегда явно, не всегда скоро, но для внимательно наблюдающих пути Божии несомненно. Давид имел сильную веру в истинного Бога, ревностно действовал для распространения ее в народе; но и при таких, можно сказать, заслугах перед Богом, когда позволил себе нарушение закона супружества, даже и после покаяния подвержен был тяжким бедствиям не только семейственным, но и государственным»³⁸ [«Не может ли нужда извинить отступление от брачного закона, например, когда от несчастного супружества ищут другого супружества? – Никак. Что может быть несчастнее мужа, у которого жена безумна до такой степени, что ее нужно держать на цепи? Но правило церковное говорит, что и в сем случае он не должен оставлять

ее и искать другой. Кого несчастное супружество постигло по неисповедимой судьбе Божией, тот должен терпеть оное, как испытание от Бога, а кого вследствие нерассудительного выбора, тот должен терпеть оное, как наказание за свою безрассудность. Посему 87-е правило VI Вселенского собора говорит решительно: «Жена, оставившая мужа, аще посягнет за иного, есть прелюбодейца». Состав выражений правила позволяет заключать, что было бы место некоторому извинению, если бы она только оставила мужа, а не посягнула за другого; но в сем последнем случае нет места извинению»³⁹. «Священное Писание о должностях мужа и жены говорит: Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню (Еф. 5: 25). Жены, своим мужем повинуйтесь, якоже Господу, зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава Церкви, и Той есть Спаситель тела (Еф. 5: 22–23)»⁴⁰. На тесную и неразрывную любовь супругов, повиновение жены мужу указывает образ создания первой жены и ее назначение. «Жена создается из ребра человека для того: а) дабы жена всегда была близка к сердцу мужа, б) дабы она естественно расположена была к послушанию и покорности ему, будучи его как бы частью, в) дабы облегчить взаимное сообщение мыслей, чувствований, совершенств и соделать род человеческий единым телом», «и чтобы потому человеки естественно склонны были любить и беречь друг друга»⁴¹ [По грехопадении, хотя «жена, дерзнувшая преклонить мужа к законопреступному своему желанию, взаимно осуждается на всегдашнюю заботливость о угождении его желаниям и за владычество над ним подвергается его владычеству: и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою (Быт. 3: 16)», – однако, «сим как не предполагается независимость жены в невинном состоянии, так не одобряется неограниченное господствование мужа над ней»⁴². См. Еф. 5: 28]. Жена в Совете Божиим называется помощником мужа (Быт. 2: 18), этим показывается ее назначение вспомоществовать ему: а) в рождении и воспитании детей, б) во всех нуждах, относящихся ко временной жизни». Жена называется «помощником, подобным ему, т.е. мужу, в ознаменовании а) одинакового с ним естества (в противоположность с другими родами животных), б) ближайшего ему служения (1Кор. 11: 9), в) всегдашнего с ним собеседования и неразлучного сожития»⁴³.

Древний, опытный, царственный мудрец изображает доблестную жену следующими чертами, доступными общему подражанию. И вкуси, яко добро есть делати, «т.е. не жаждет она забав. В труде и полезном занятии находит более вкуса, нежели другие в увеселениях и забавах, и не угасает светилник ея всю ночь (Притч. 31: 18). Не предается она мрачному

и долгому сну и не освещает ночи тысячей светильников, которые не светят никакому полезному делу. У нее не угасает светильник, который светит ее ночной работе, или ее ночной молитве; наипаче же в душе ее не угасает светильник веры, в ожидании грядущего в полночи Небесного Жениха. Сугуба одеяния сотвори мужу своему, от виссона же и порфиры себе одеяния (Притч. 31: 22). Не хочет она быть данницей иноплеменникам за мечтательное изящество и прихотливые новости в одежде: для нее та одежда лучше, в которой менее чужого труда. Уста своя отверзе внимательно и законно и чин заповеда языку своему (Притч. 31: 25). Не полагает она достоинства в дерзости суждения, ни удовольствия в многоречии; не оскверняет языка ее насмешка и злоречие, и не расстраивает ее духа и вида необузданный смех; здравый ум и доброе сердце отверзают уста ее для слова чистого и непорочного, и вскоре скромность запечатлевает их»⁴⁴ ["Опытный Соломон почитал не очень обыкновенным явлением добродетельную жену, когда сказал: жену доблю кто обрящет?.. Если он не щедро уделяет женскому полу добродетельность, зато как высоко ценит добродетельную жену: дражайши есть камни многоценного таковая (Притч. 31: 10). Почему премудрый судитель обращает особенное внимание на женскую добродетель и ее превозносит? – Потому, между прочим, что видит ее в немогущей части человечества. Когда видите высокую и сильную добродетель в лице мужа, вы не столько удивлены, сколько удовлетворены, найдя вполне то, чего можно было требовать от сей природы. Но когда такую же добродетель встречаете в немогущем естестве жены, ваше ожидание превышено, и вы не только довольны, но и удивлены. Например, смотря на Иакова, который, чтобы угасить несправедливую вражду брата, добровольно осуждает себя на изгнание из родительского дома и, не взяв ничего из наследства богатого отца, с одним странническим посохом идет в отдаленную страну, – без сомнения, с чувством удовольствия скажете вы: это великодушно, это достойно сына Исаакова, внука Авраамова. Но если посмотрите на Руфь, которая по любви к свекрови, беспомогущей иноплеменнице, и по уважению к ее добродетели и благочестию решается оставить свое родство и отечество, и, будучи самой Ноеминой удерживаема от этого трудного и, по-видимому, безнадежного подвига, не колеблется и говорит Ноемини: идеже идеши ты, и аз пойду, и идеже водворишися ты, водворюся и аз; людие твои людие мои, и Бог твой Бог мой (Руф. 1: 16, 17); при виде сей мужеской в жене крепости духа, сего восторга добродетели, вы не только довольны, но и удивлены и тронуты»⁴⁵].

Часть вторая. Обязанности родителей к детям

5. О побуждениях к воспитанию детей.

«Общее правило – пекись о детях – не требует долгого учения и многих доводов. Его проповедует природа. Она говорит в сердце родителей в пользу детей, и неудивительно: жизнь родителей чувствует свою отрасль в жизни детей и естественно хочет, чтобы она росла и цвела. Но, что более удивительно, природа в самих детях говорит за них, и еще прежде, нежели они говорить умеют: вид младенца умягчает и не родительское сердце, и, если он беспомощен, влечет к тому, чтобы оказать ему помощь. Бессловесные проповедуют человеку попечение о детях. Большая часть из них питают своих детей, охраняют с заботливостью и ревностью, переходящей в ярость, и даже с опасностью своей жизни; а некоторые и учат своих детей тому, что принадлежит к свойственному их жизни совершенству. Но человека сильнее, нежели бессловесных, влечет природа к попечению о детях внутренним побуждением и нудит необходимостью внешней. В бессловесных привязанность к детям оканчивается с незрелостью их возраста: в человеке она простирается далее и остается навсегда. Дети бессловесных скорее и с меньшими пособиями выходят из состояния беспомощности и незрелости, нежели дети человека. Если бы при этом замечании вздумалось кому спросить: не обижен ли таким образом человек в сравнении с бессловесными? На это, не обинуясь, можно отвечать: нет. И, во-первых, потому, что некоторые несовершенства рождения и жизни человека, нами примечаемые, не принадлежат к первоначальной, чистой природе человека, но, как показывает Священное Предание, суть последствия и признаки ее повреждения прародительским грехом, вначале произвольного, а потом уже наследственного. Во-вторых, потому, что как бессловесные тем более пособий к жизни должны были получить от природы, чем менее способны увеличить оные своим действием, не имея разума; так, напротив, человека нужно было не слишком ограждать пособиями природы, чтобы не стеснить поприща, предоставляемого его разуму и свободе. Если бы пособия и побуждения природы так же властно и так же легко, как бессловесных, двигали человека к целям жизни, то что было бы делать его разуму? Где была бы его свобода? Где достоинство разумного и свободного выбора, заслуга, добродетель, а следственно, и высокое нравственное блаженство свободного существа?». «Если человек рождается более прочих животных беспомощным и более их требует пособий к усовершенствованию своей жизни, то особенная судьба

человечества говорит родителям: попекитесь о детях. Если природа не так усиленно обрабатывает человека, потому что не хочет владычествовать над ним, как над рабом, потому что доверяет обработать его разуму и свободе; а разум и свобода в человеке открываются не вдруг и не без помощи, но требуют пособия от разума, прежде открытого, и направления от свободы, прежде испытанной и обработанной, то достоинство разума и свободы говорит родителям: попекитесь о детях. Если человек, зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, должен быть очищен и возведен к совершенству небесному, то жалкое начало и высокое назначение вдруг и печальным, и торжественным голосом говорит родителям: попекитесь о детях»⁴⁶.

«Но там, где глаголет Христос, всего лучше послушать, что Он глаголет. Блюдите, – глаголет, – да не презрите единого (от) малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного (Мф. 18: 10). Сие сказал Он апостолам, когда, призвав отроча, постави е посреде их (Мф. 18: 2)». «Посему каждый раз, когда Господь рукой Своего Провидения поставляет пред вами дитя, когда оно вам родится, или вверяется вашему попечению властью и законом, или приводится в руки ваши нуждой и беспомощностью, вы можете представлять себе, что Господь смотрит на оное и говорит вам: Блюдите, да не презрите единого (от) малых сих. И как сильно подкрепляет Он сию заповедь! Аминь глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небесного, т.е. Ангели служат хранителями детей, следственно, имеют к ним внимание, заботятся о них, уважают их: как же вам оставлять их без попечения, без внимания, в пренебрежении? Ангели их на небесех и нисходят для них на землю: вы ли не захотите склонить вашу земную гордость к их малому возрасту? Ангели их... выну видят лице Отца Небесного, и от сего блаженного созерцания обращают взор к пеленам и колыбели, и слух к плачу или лепетанию младенца: вам ли покажется или скучным, или малым делом попечение о малых сих»⁴⁷.

«Душа младенца, крещением очищенная, произвольными грехами не оскверненная, своей невинностью, простотой, незлобием представляет некоторую содружность естеству ангельскому, и потому не только не поставляет преград приближению Ангела хранителя, но, может быть, и привлекает его»⁴⁸ [«Ребенок одет телом тонко и слабо, может быть, частью посему уже скорее, нежели других, видит его духовный мир, и он взаимно»⁴⁹]. «И кто же посылает Ангелов к младенцам человеческим? Кто, как не Сам Творец Ангелов и человеков? Подумайте же: небо приходит в движение, чтобы сберечь на земле жизнь или непорочность

младенца, а между тем – нет ли таких, которые без сострадания слышат вопль младенца на коленях нищеты, которые смотрят на возрастание собственных детей не с большим вниманием, как на траву, растущую в поле?»⁵⁰.

6. О любви родителей к детям и о начальном воспитании детей.

«Справедливо возлагать на Бога надежду о себе и о детях, но сие не исключает осторожного внимания к тому, как лучше детей вести, и обязанности бдительно надзирать за ними. Любовь родителей к детям не должна действовать независимо, а под руководством здравого рассуждения»⁵¹. «Отцу и матери нужен ли подвиг, чтобы любить свое дитя? Младенцу надобно ли учиться любить отца и мать? Если же в сей любви все делает природа, без подвига и почти без ведома человека: где тут достоинство добродетели? Это просто естественное чувство, которое и в бессловесных примечаем. Нелюбление родителей или детей есть глубоко низкий порок; но любовь к родителям или детям не есть еще высокая добродетель, кроме особенных случаев, когда ее возвышает соединенное с ней самоотвержение и самопожертвование»⁵². «Чувствительное и любящее сердце надобно возвысить от любви естественной к духовной, чтобы оно, погружаясь в связи семейные, не погрязло совсем в одной естественной любви»⁵³. А потому, «полагая источник блага в Боге и благословении Его, которое имеем или получаем, и надежду блага, которого желаем», надобно «возвышать и освящать дела природы духом благодати, – встречать рождение детей не только с радостными чувствованиями, но и с помышлениями благочестивыми, искать для них счастливой будущности не только в благоприятных видах земных, но и в союзе их земного бытия с небесным, давать имена детям не без разбора, либо с поверхностным разбором приятных или неприятных звуков и тому подобному, но с мыслью о благочестивых предках, которых души способны преподать действительное благословение потомкам, а еще лучше с верой к святым, которых молитвы и благословения, без сомнения, благотворны».

«Наречение имен не такое маловажное дело, как думают люди, которые лучше помнят имена, нежели знают существо и отношения предметов. Мудрость первозданного человека испытана и проявлена была наречением имен всякой душе живой. В наречении имен патриархами не раз проявлялся дар прозорливости и пророчества. Сам Бог, когда благоволил дать Аврааму новое, многозначительное, потомственное благословение, как залог, как печать, как таинственное знамение сего благословения, дал ему новое имя: и не наречется ктому имя твое Аврам, но будет имя твое Авраам: яко отца многих языков положил тя (Быт. 17: 5).

Святая Церковь, зная, что немногие способны от себя нарекать имена, приносящие с собой благословение, учредила прекрасный обычай от святых заимствовать имена, которые по благодати святых всегда благознаменательны и способны принести с собой благословение. Но притом особенно благо младенцу, которому дадут имя святого не по обычаю только, но по вере и любви к святому»⁵⁴.

Родители должны «остерегаться, чтобы не прокралось пренебрежение» к детям при начальном воспитании их. «Небрегут о детях, если они по опыту принадлежат кормилице, няне, надзирателю, надзирательнице более, нежели отцу и матери, и более, нежели то нужно. Природа или, лучше, Творец природы одной и той же особе матери дает и млеко кормилицы и заботливость няни. Правда, разделять эти служения нередко, больше или меньше, заставляют то немощь матери, то ее другие обязанности; но если сие делается только по склонности к беззаботной жизни, по необдуманному подражанию примерам подобной беспечности, то лучше бы подумать доброй матери, отнимать ли мать вдруг у двух младенцев, – и у младенца кормилицы, и у своего собственного, и заставлять ли своего младенца пить из груди кормилицы, может быть, тоску по оставленном ею собственном детище, вместо того, чтобы он пил любовь из груди своей матери? Мать, которая кормит и носит на руках своего младенца, отец, который в минуты отдыха от своих дел также берет его на руки и учит его первым наименованиям того, что священно и любезно, делают и прекрасное и важное дело: они наслаждаются сами занятиями, дитя также наслаждается; и в то же время любовь и доброта родительская непрестанно сеют в сердце дитяти семена детской любви и доброты, и ранним и обильным сеянием приготавливают многоплодную жатву»⁵⁵.

7. Учение Слова Божия о воспитании.

«Родителям и воспитателям должно указать на то, что бесспорно истинно и для всех их доступно и полезно, и на руководительную книгу, которую не оттесняла бы от них никакая другая. Библия не дала ли доброго воспитания народу Божию ветхозаветному? Не дала ли еще более совершенного воспитания народу Божию новозаветному? Премудро устроив воспитание будущих граждан Царствия Небесного, не имела она недостатка в мудрости, чтобы преподать верные правила для образования доброго гражданина царства земного, и имела нужду преподать оные, потому что худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен. Итак, стоит труда поискать в Библии учение о воспитании. Древнейшее учение можно найти в слове Господа к Аврааму: Авраам же бывая будет в язык велик и мног, и благословятся о нем вси языцы земнии: вем бо, яко заповесть сыном своим и дому своему по себе, и сохранят пути Господни творити правду и суд (Быт. 18: 18–19). Здесь, во-первых, в образе похвалы воспитанию, какое дает Авраам своим детям, преподается главное правило воспитания: заповедай сынам своим сохранять пути Господни, творить правду и суд, или давай детям воспитание благочестивое и нравственное, сообразно с законом Божиим». «Благочестие должно быть основанием и душой воспитания». «Во-вторых, здесь показываются и благотворные последствия такого воспитания: Авраам будет в язык велик и мног; отец семейства, дающий детям своим воспитание благочестивое и нравственное, может надеяться от себя потомства многочисленного, уважаемого и благополучного. Нетрудно понять, что не может того же ожидать нерадящий о таком воспитании, а угрожает ему противное.

Далее, прямо высказанные правила воспитания находим в ветхозаветных книгах, по преимуществу, учительных – в книге Притчей Соломоновых и в книге Иисуса сына Сирахова. Соломон учит: Наказуй сына твоего, тако бо будет благонадежен; в досаждение же не возьмется душою твоею (Притч. 19: 18). Наказуй, – значит: учи; давай полезные наставления; но также и собственно: наказывай за проступки. Но премудрый поставляет предел суровости наставления и строгости наказания: не действуй с досадой и раздражением, и не возбуждай досады и раздражения. Раздраженный наставник не наставляет, а раздражает. Шумом раздражения заглушается голос истины. Наставляй добродушно; обличай кротко и мирно; наказывай умеренно и с сожалением. Соломон побуждает к такому действию, обещая от него добрые плоды. Наказуй

сына, и возлюбит тя и даст лепоту твоей души, не послушает языка законопреступна (Притч. 28: 17)»⁵⁶. «Учение Сына Сирахова более строго. Суть ли ти чада, накажи я и преклони от юности выю их (Сир. 7: 25). Накажи сына твоего и делай им, да не в безстудии его поткнешися (Сир. 30: 13). В особенности с горьким словом обращается он к тем родителям, которые любят забавлять своих детей и забавляться ими, а не учить их, дают им излишнюю свободу и легкомысленно смотрят на порывы их легкомыслия: ласкай чадо, и устроит тя, играй с ним, и опечалит тя. Не смейся с ним, да не поболиши о нем (Сир. 30: 9, 10)»⁵⁷. «Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешения им, чтобы сберечь это в поощрение и в награду их послушанию, или успехам в полезном учении»⁵⁸.

«Наконец, Евангелие, которое вообще вместо духа страха перед законом, господствовавшего в Ветхом Завете, распространяет дух любви и свободы, и в правилах воспитания смягчает древнюю строгость. Святой апостол Павел пишет: отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф. 6: 4). И в другом послании: Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол. 3: 21)»⁵⁹. «Таково учение священных книг о воспитании. Оно просто и не многосложно, потому что назначено не только для мудрых, но и для простых. Впрочем, и мудрые не унижат себя, если привлекут внимание учеников к этим простым урокам, потому что их преподали люди, водимые Духом Божиим. Самое простое воспитание по правилам истинного благочестия и чистой нравственности может образовать доброго гражданина царству земному, способного и к небесному гражданству; воспитание же любомудрое бесспорно может более и совершеннее приспособить воспитываемого к достижению разных общепользовательных целей. Но без этих правил самое ученое воспитание есть построение благовидного здания без прочного основания. По сим правилам просто воспитан был отрок Давид, чтобы пасти овец, но в нем открылся муж, способный пасти народ Божий, победоносный воин, царь, пророк. По этим правилам, вероятно, уже более учительно воспитан сын царев Соломон, который явился царем премудрым, царем пророком, царем необыкновенно счастливым».

«Из того, что в ветхозаветном учении о воспитании видно более строгости, а в евангельском – более свобододобивой кротости, естественно рождается вопрос: должно ли следовать исключительно последнему и совсем отложить первое? Чтобы разрешить сей вопрос,

обратимся к изречению святого апостола Павла: в елико время наследник млад есть, ничимже лучший есть раба... но под повелители и приставники есть (Гал. 4: 1, 2). Видите, он говорит о строгом воспитании, как не предосудительном, обыкновенном и должном. Это тем более примечательно, что он строгое воспитание представляет образом того, как Бог воспитывает человечество. Это непосредственно видно из следующих слов: и мы, егда бехом млади, под стихиами бехом мира порабощени (Гал. 4: 3). Ветхий Завет есть детство человечества, и его начальное воспитание под рабским страхом закона. Христианство есть высший возраст человечества, и его совершительное под благодатью воспитание; здесь, соответственно возвысившемуся познанию и силе духа, ему вверяется духовная свобода; и тогда человек внутренне уже не раб, но сын и наследник Божий Иисус Христом. Итак, поелику Апостол в воспитании человечества Богом и в воспитании каждого человека родителями и наставниками признает одинаковый порядок, то ясно, что и из христианского кроткого воспитания он не совсем исключает древнюю строгость, дабы свобода вверяема была воспитываемому по мере приобретения им умения пользоваться ей. Все ли равно, давать обширную свободу умеющему ее употреблять или не умеющему, зрелому в разуме или незрелому? Очевидно, не все равно. Следственно, по мере возраста и образования должно давать свободу детям. Которое из двух направлений правильнее, приятнее и удовлетворительнее для человека, поступление от расширения свободы к ее ограничению или, напротив, от ее ограничения к расширению? Очевидно, последнее. Итак, надобно вести детей от ограничения свободы к расширению ее. Иначе сделавшийся слишком свободным слишком рано, куда направится далее с своим желанием поступления вперед и возрастающего удовлетворения? Не будет ли он в искушении поколебать справедливые пределы разумной и законной свободы?»⁶⁰

8. Религиозное образование детей.

«Благоразумны и должны быть счастливы те родители христианские, а также и руководители детей христианских, которые стараются сколь можно рано преподавать детям простые, но чистые и светлые понятия о Боге и о Христе, и возбудить в сердцах их чувство благоговения, веры и любви к Богу и Христу. Спешите сеять семя Слова Божия на земле сердца, орошенной живой водой святого крещения и еще не заросшей плевелами грехов произвольных и тернием ложных и суетных помыслов. Не очевидна ли здесь надежда доброго роста посеянного и обильного плода? Как упредившие ростом плевелы и терние подавляли бы пшеницу, так упредившая ростом и силой пшеница будет препятствовать возникнуть и усилиться плевелам и тернию»⁶¹. «Первым делом образования дитяти должно быть образование в вере, преподавание ему начальных истин ее в таком виде, как они для него могут быть понятны. В сем возрасте (до вступления в школу) надлежит развить в нем чистое, простое верование в могущество, святость и благость Бога, создавшего все, любящего все доброе, осуждающего грех, но милующего и спасающего грешников, раскаивающихся и желающих исправления. Доводите ребенка до мысли о Божестве постепенно, скажите ему языком понятным: ты видишь вокруг себя разные вещи и знаешь, что каждая из них кем-нибудь сделана: дом построен архитектором; картину написал живописец; цветы посадил и вырастил садовник; итак, надобно тебе знать, кто сделал светлое солнце, небо, звезды, – все сие сотворил Бог, общий Отец наш, Отец всех людей; Он везде, хотя мы Его и не видим; Он знает все, что мы делаем; слышит все, что мы говорим, даже все, что мы думаем; без Него ни трава, ни хлебный колос, ни цветы не могли бы вырасти; животные бы не жили; ничто не существует без Его воли; твоя мать добра, любит тебя, но Бог бесконечно больше благ и больше любит тебя; твой отец трудится, чтобы пропитать тебя, но Бог бесконечно больше делает для всех людей, нежели все люди вместе могут сделать.

Пример ваш всего более может действовать на ребенка в этом отношении; не произносите никогда имени Бога понапрасну, в речи шуточной; во время молитвы надобно, чтобы благоговение выразилось во всех ваших словах и движениях. Приучайте и ребенка подражать вам, приучайте слушать или читать молитвы с благоговением и в почтительном положении; он не поймет еще всех слов молитвы, но поймет чувство, выражаемое поникновением головы, крестным знаменем,

коленипреклонением; наружное движение воздействует на его внутренность; но внушайте ему, что грех, молясь Богу, думать о другом, и что безмолвное чувство смирения перед Богом, краткая, но сердечная молитва выше молитвы, произнесенной словами без участия сердца; так, мало-помалу он постигнет сладость любви к Богу прежде, нежели разум его познает всю необходимость веры для человека. При входе священника или другой духовной особы показывайте детям примером своим, с каким уважением, любовью должно обращаться с служителями церкви и внимать их урокам.

Подробное изучение догматов веры должно быть предоставлено настоящим училищам. Но нельзя оставить христианское дитя без указания на христианские догматы до самого вступления в училище. Когда будете учить его молиться с крестным знаменем, когда во время молитвы обратите взор его на образ Господа Иисуса, распятого или как Младенца, носимого на руках Пресвятой Девы, детская любознательность потребует у вас отчета – что это значит? Тогда начинайте питать юную душу христианством, только умеете применяться к возрасту, предлагайте простое словесное млеко младенцу природы, вместе и благодати. Скажите, что Бог невидимый, именно Сын Божий, любя человек, восхотел быть видим и жить с ними; для того родился от Пресвятой Девы и жил на земле как человек, чтобы научить нас свято жить; что Он восхотел даже пострадать и умереть на кресте, чтобы очистить нас от грехов; но умерши как человек, как Бог в третий день воскрес, вознесся на небо, и царствует на небе и на земле, и спасет нас, когда мы молимся, угождаем Ему, веруем в Него и во грехах просим у Него прощения. Передавайте сие не как непостижимый догмат, но как чудесный рассказ; и он возбудит внимание, и возвысит душу детища, и ваше благоговение и любовь к Спасителю отразится в ней и приготовит ее к высшему разумению в свое время»⁶².

9. О благочестии как основании воспитания общественного: «ученого, делового, изящного».

При общественном воспитании должно «обращать особенное внимание на воспитание нравственное и, как на основание сего, на воспитание благочестивое. Но все ли довольно верно следуют сему направлению? Воспитание ученое, воспитание деловое, воспитание изящное – не слишком ли сильно привлекают к себе заботы некоторых воспитателей и воспитываемых видами наружных преимуществ, выгод, славы, удовольствия? Потому не излишне напоминать родителям и воспитателям детей апостольское наставление: воспитывайте... в учении и наставлении Господнем (Еф. 6: 4), т.е. словом и делом руководствуйте детей к жизни благочестивой и честной по учению Христову.

Отдадим долг уважения знанию и учености. Скажем, если угодно, что люди, обладающие глубокими познаниями о предметах природы, человечества и общества человеческого, суть очи народа. Однако, как не всякому члену тела надобно быть оком, так не всякому члену общества надобно быть ученым. Но усиленные укоры невежеству и похвалы неопределительно понятому просвещению посеяли в некоторых людях односторонние мысли, что воспитание, достойное своего имени, есть только ученое, что воспитывать – значит преподавать науки, что воспитанным надобно почитать того, кто прошел несколько поприщ уроков. Это значит воспитывать более голову, нежели сердце и всего человека. Счастлив воспитываемый, если наставник в учении веры успеет глубже посеять в нем семя духовного учения, нежели другие наставники семена мирских учений, и если духовное семя будет питаемо домашними и церковными упражнениями благочестия под влиянием доброго руководства и примера. Учение Божественное очистит, утвердит и освятит учения человеческие, и сделает их употребительными на пользу частную и общественную, потому что благочестие, как говорит Апостол, на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго (1Тим. 4: 8). Но если благочестие, хотя и говорят о нем постановления, в самой душе воспитываемого не положится в основание мирских учений, то они не будут истинно основательны; учения неосновательные не благоустроят жизни, а между тем обыкновенно надмевают; надменный мнимым знанием и образованностью всего чаще ставит себя выше своего состояния. Так происходят люди, которые не мирятся с бедностью, не уживаются с посредственностью, не сохраняют умеренности в изобилии;

алчут возвышения, блеска, наслаждений; разочаровываются пресыщением так же, как ненахождением пищи своим страстям; всегда недовольны, любят перемены, а не постоянство, и, преследуя мечты, расстраивают действительность настоящую и будущую»⁶³.

«Ученые сами признали, что воспитание ученое не всегда уместно и с пользой прилагается, особенно к состояниям средним и низшим в обществе, когда отличили от одного и старались отдельно устроить для этих состояний воспитание деловое, т.е. приспособленное к делам этих состояний, к земледелию, к ремеслам, к художествам, к промышленности и торговле. Мысль дельная при дельном исполнении». Должно только «напомнить, что воспитание деловое только при помощи воспитания благочестивого и нравственного может образовать земледельца, ремесленника, промышленника, торговца – трудолюбивых, честных, способных устроить свое благосостояние и быть исправными членами общества»⁶⁴. Поэтому «небрегут о детях, если старательнее учат их полезному для жизни временной, нежели спасительному для души бессмертной; если тщательнее меблируют их голову набором слов и понятий, нежели воздвигают вертоград их сердца, исторгая из него дикие травы неправильных склонностей и привычек, насаждая в нем благие чувствования к добродетели, ограждая его от ветров легкомыслия и от бурь страстей; если при воспитании не довольно помнят и не довольно употребляют в дело, сколь важное само в себе, столь же благодетельное для всех отраслей познания, начало учения: Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим его (т.е. хорошие познания хороши для тех, которые употребляют их на хорошие дела); благочестие же в Бога начало чувства (Притч. 1: 7). Вы обрабатываете в детях будущих граждан, воинов, словесников, писмоводцев, художников, промышленников: хорошо, но не пренебрегайте тем, что еще лучше, – не пренебрегайте образованием в них сынов Церкви, приготовлением будущих граждан неба»⁶⁵.

«Что сказать о изящном воспитании, об образовании детей приятными искусствами? В пользу этой отрасли воспитания можно сказать: церковное пение – вот приложение приятного искусства к воспитанию, достойное похвалы и поощрения. Упражнение в пении церковном и близких к оному песнопениях духовного и нравственного содержания путем удовольствия ведет к пользе; оно умягчает сердце, но не изнеживает, как иные роды пения, возбуждает и питает возвышенные чувствования, а не страсти; занимая невинную душу, не только не уменьшает ее невинности; но и освящает оную. Не скроем желания, – не

останавливаясь на том, обыточно ли оно, – чтобы это чистое увеселение из воспитания через привычку перешло в жизнь, и чтобы христиане, как и бывало некогда, не только в церкви, но и в доме, по наставлению Апостола, глаголали себе во псалмах и пениях и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах... Господеви (Еф. 5: 19)». Обыкновенно «употребляют приятные искусства в воспитании так, что они, – изъяснимся как можно скромнее, – являются цветами, которые не приносят плодов, и с которыми соединено терние, приятно уязвляющее. По сему предмету чувство благочестивое, чистое нравственное чувство и опытное благоразумие тщательно должны быть призываемыми на совет о том, в каком виде и в какой мере допустить приятное, чтобы под прикрытием его не прокралось вредное, – изнеженность, рассеянность, пристрастие к чувственным удовольствиям»⁶⁶. «Искусства и познания приятные доставляют жизни человеческой, так сказать, приправы и лакомства, а не хлеб и пищу: не странно ли было бы заботливо собирать к столу как можно более приправы и лакомств, и не заботиться о том, будет ли хлеб и пища?»⁶⁷ [О воспитании и образовании детей в отношении различия полов можно заметить следующее. «Назначение мужского пола есть жизнь семейная и общественная далее семейного круга, потому приличествует ему воспитание семейное, общественное и училищное. Назначение женского пола есть жизнь семейная, потому приличествует ему и воспитание семейное. Отрок, освобождаясь в училище от семейной застенчивости, приобретает смелость и бойкость и привычку свободно обращаться с чужими, готовится через сие к общественной жизни; отроковица, получая такое направление, некоторым образом уклоняется от свойственного ее полу характера и назначения. Говорят, хорошо наставленная в училище мать лучше наставит своих детей. Сомнительно. Послушанию, благонравию, скромности, набожности, семейной любви без науки научит свое детище всякая добрая мать. Не так удобно передается училищное наставление. Видим примеры, что матери, не бывшие в училищах, разумно воспитывают детей при себе, и, напротив, матери, получившие образование в лучших учебных заведениях для детей женского пола, отдают своих дочерей в те же заведения. Мать, научившаяся по нужде, с горем, отдала дочь в училище; потом мать, учившаяся без особенной нужды, не учит дома сама, а отдает в училище. Какой же плод училищного воспитания? Семейный дух ослаблен, а выгоды образования недалеко простерлись»⁶⁸. «Наполнять училища девочками в большем числе против мальчиков, не излишнее ли усилие? Будет ли хорошо, когда жена будет считать себя учнее мужа? Не было бы

осторожнее не усиливать обучения девиц, доколе на меньшем числе обучаемых покажет опыт, какой будет плод?»⁶⁹].

Часть третья. Обязанности детей к родителям

10. О почитании родителей и повиновении им.

«Должности в отношении к родителям предписывает пятая заповедь под общим наименованием почитания их: Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будешь на земли (Исх. 20: 12)»⁷⁰. Сила этой заповеди особенно раскрывается из сравнения ее с другой: возлюбиши Господа Бога твоего (Мф. 22: 37). «Как? Отца почитать, а Бога любить? Мы обыкновенно любим то, что к нам ближе и нам подобнее; а что выше нас, то почитаем. Посему, кажется, свойственнее было бы требовать любви к отцу и почтения к Богу. Нет, говорит Божественный закон: чти отца; возлюбиши Бога. Как бы так сказано: отца любить тебе свойственно и без заповеди, также и чтить Великого Бога; заповедь учит тебя тому, что трудно было бы тебе разуместь без нее; итак, отца не только люби по естеству, но и чти по воле Отца Небесного; Бога не только чти по внушению естества и совести, но дерзай приступить к Нему ближе, чего не дерзнул бы ты сделать без благодатной заповеди; возлюби Бога, яко отца; нареки твоим Богом, Богом сердца твоего и частию твоею во век (Пс. 72:26)»⁷¹. «Чтобы показать важность семейственных должностей и добродетелей для подчиненных членов семейства, довольно указать на один пример, сильнейший самого закона, потому что это пример Законодателя, покоряющегося закону. Когда юного Иисуса преблагословенная Мать Его и мнимый отец нашли во храме в собеседовании о предметах духовной мудрости и жаловались, что Он оставил их, тогда Он дал было им на сие такой ответ, которым, по видимому, разрешал Себя от закона покорности земным родителям, потому что занимался делом Отца Своего Небесного. Что яко искаста Мене? Не веста ли, яко в тех, яже Отца Моего, достоин бытьи Ми? (Лк. 2: 49). Но что же потом? Несмотря на столь высокое право, смиренно преклонил Он выю под иго заповеди, повелевающей чтить отца и мать: И сниде с нима и прииде в Назарет и бе повинуюся има (Лк. 2: 51). Так важен долг повиновения семейственного, что Единородный Сын Божий отсрочил Свое вступление в дело Божие, чтоб исполнить сей долг перед земной матерью и даже перед одним именем отца, которое носил Иосиф до благовременного открытия тайны не имеющего отца на земле, и чтобы Своим примером вновь освятить обязанности и возвысить добродетели жизни семейственной»⁷². «И наконец, когда страдания крестные раздирали душу и тело Спасителя, когда пронзенными членами так тяжело висел Он на гвоздях между жизнью и смертью, а на Нем целый мир висел

над погибелью в ожидании спасения, ни муки всего ада, ни попечения всего мира, всех времен и вечности не заглушили в Нем чувства законной обязанности к Матери. Сию обязанность, исполнение которой пресекалось для Него вместе с земной жизнью, Он передал тогда Иоанну, которого девство и любовь соделали достойным служителем Девы Матери; а через то и в этой части закона, подобно как во всех других, показал нам совершенство, состоящее в том, чтобы почтение к родителям и попечение о них простиралось на все обстоятельства жизни, до гроба и далее гроба»⁷³.

«Если же в столь трудных обстоятельствах столь совершенное почтение Матери Своей оказал Господь наш, то, без сомнения, должно заключить, что и в других случаях, хотя Он, по-видимому, чуждался Ее, чуждался отнюдь не в предосуждение духовному величию, которое сотворил Он Ей Своим от Нее рождением, а только по уважению других высоких обязанностей Своего земного служения. Вспомним Его учение: Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10: 37). Так поучая, так должен Он был и творить, и примером дать силу поучению, по собственному Его правилу, что велий в Царствии Небесном должен сотворить и научить (Мф. 5: 19). Посему надлежало Господу Иисусу когда-нибудь в земной жизни Своей делом показать, как совершенно любит Он земную Матерь Свою, только не паче Отца Своего Небесного, и как сыновнюю по человечеству любовь приносит в жертву делу Божию, Им совершаемому». Так «Матерь Иисуса требует, чтобы Он чудесно произвел вино на браке. Но чудеса назначены не для угождения Матери, а для явления славы Божией. Итак, здесь угождение Матери надлежало принести в жертву, и для совершенства этого жертвоприношения пожертвовано и самой мыслью о Матери и самым наименованием Матери: что (есть) Мне и Тебе, Жено? не у прииде час Мой (Ин. 2: 4). Впрочем, час явить славу Божию, который не пришел прежде этой жертвы, наступил вслед за ней, и потому чудо, в котором, по-видимому, отказано Матери, через минуту совершается.

Матерь Иисуса и братья Его приходят, чтобы взять Его из дома, где Он многочисленному народу проповедует небесную истину. Они предприняли это по доброму побуждению, почитая Его находящимся в опасности, потому что Его враги оглашали Его то неистовым, то действующим через князя бесовского, и умышляли погубить Его. Но если бы Он покорился воле Своих сродников, то был бы нанесен вред делу Божию не только потому, что безвременно прервалась бы Его проповедь,

но и потому, что враги Его употребили бы взятие Его сродниками как доказательство клеветы – будто Он имеет нужду в их попечении. Итак, должно было и здесь угождение Матери принести в жертву, и сия жертва опять была полным всеожжением, т.е. Господь принес в жертву всю Свою любовь к возлюбленной Матери и самую мысль и память о Ней: кто есть Мати Моя? Как бы так говорил Он: «Для чего волей земной матери хотите вы отвлечь Меня от исполнения воли Отца Небесного? Когда сии две воли влекут в разные стороны: Я знаю и тотчас покажу, которой из них и с какой решительностью должно последовать. Оставляя земное рождение и родство, как бы Я забыл его, как бы его совсем не было: совершенно предан есмь воле Отца Небесного, и делу Его, и Царствию Его; здесь ищу Себе и родства, если его иметь надобно: кто есть Мати Моя, и кто суть братия Моя? (Мф. 12: 48). Кто же они? Чада Божии, верующие во имя Его, иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Бога родишася (Ин. 1: 12–13); или иначе: иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати (Ми) есть (Мф. 12: 50)»⁷⁴.

Итак, пятая заповедь предписывает следующие «особенные должности в отношении к родителям: 1) почтительно обходиться с ними; 2) повиноваться им». «Когда родители, сродники, наставники, начальники требуют от вас того, что противно мудрованию вашему, вашей склонности, вашему вкусу, но что нужно, или полезно, или, по крайней мере, безвредно, пожертвуйте мудрованием вашим, вашей склонностью, вашим вкусом обязанности повиновения; вспомните Иисуса, Премудрость Божию, Который бе повинуюся Иосифу древоделю (Лк. 2: 51)». «Но когда несчастный пример и желания родителей отвлекают (детей) от исполнения священных обязанностей к Богу, вовлекают в дела, противные закону, нарушающие мир совести, противные истинному благу и спасению безсмертной души»; когда «родители или начальники требуют чего-либо противного вере или закону Божию, тогда должно сказать им, как сказали Апостолы начальникам иудейским: аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите (Деян. 4: 19). И должно претерпеть за веру и закон Божий все, что бы ни последовало»⁷⁵. 3) Дети должны «питать и покоить родителей во время болезни и старости». «Когда ваши родители требуют помощи, утешения, служения, между тем как вы сами в нужде, в скорби, в немощи, соберите последние силы ваши, забудьте свою скорбь для облегчения их скорби; разделите с ними последнюю крупицу и последнюю каплю. Вспомните Иисуса, среди мучений крестных пекущегося о спокойствии Своей Матери»⁷⁶. 4) «После

их смерти, так же как и при жизни, молиться о спасении душ их и верно исполнять их заветы, не противные закону Божию и гражданскому» (2Мак. 12: 43–44; Иер. 35: 18–19; Св. Иоан. Дамаск, слово о усопших). «Бог по премудрому и праведному Своему провидению особенно хранит жизнь и устраивает благополучие почитающих родителей на земле; к совершенному же награждению совершенной добродетели дарует бессмертную и блаженную жизнь в отечестве небесном». «Сколь легко и естественно любить и почитать родителей, которым мы обязаны жизнью, столько тяжок грех непочтения к ним. Посему в законе Моисеевом за злословие против отца и матери положена была смертная казнь (Исх. 21: 16–17)»⁷⁷.

11. Высокое значение благословения вообще и, в частности, родительского.

«Благословение по своему имени происходит от благого слова. Если же хотите доискиваться, откуда происходит благое слово, где первоначальный его источник и глубочайший корень его силы, то найдете у Божественного мудреца Иоанна: В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово... в Том живот бе, и живот бе свет человеком (Ин. 1: 1, 4). поелику человек сотворен по образу Божию, то из сего самого заключить можно, что и в даре слова он получил нечто по образу творческого Слова Божия. Святой Иоанн доводит эту мысль до высочайшей степени знаменательности, когда говорит, что та самая жизнь или сила, которая есть в Боге Слове, соделалась светом человеков. Внутренний свет человека проявляет себя в слове. Итак, поелику Бог Слово рече... и бысть, и притом вся добра зело (Быт. 1: 36, 31), то неудивительно, что и человек, когда он находится в возвышенном состоянии образа Божия, из полноты веры в Бога Слова, Которого живот бе свет человеком, из глубины благодати сердечной изрекает слово, и оно действует, оказывается могущественным, творит благо»⁷⁸. «Мир видел, что слово подобострастных нам человеков в союзе с истиной боговедения и правдой веры, и вследствие сего в союзе с Словом и Духом Божиим, властвовало над природой, исцеляло больных, прогоняло темные силы, воскрешало мертвых»⁷⁹. «Если Слово Божие, являясь ли открыто в устах человеков, приближенных к Богу, или действуя сокровенно из сердец их, творит дела чудесные, некоторым образом подражательные творческим действиям Божества, то не менее должно быть понятно и достоверно, что то же Слово Божие через тех же людей теми же способами изрекает и преподает благословения, некоторым образом подражательные действиям Божеского Провидения.

Итак, благословлять, в сильнейшем значении этого слова, значит простирать действие Божия Слова на творения Божии. Благословляющий есть благой волей посредствующий между Словом Божиим и творением Божиим. По сему понятию верховный и всеобщий раздаятель благословений есть Иисус Христос, Ходатай Бога и человеков, Богочеловек, в Котором Слово плоть бысть (Ин. 1: 14). Вот почему благословение было древнейшей чертой, которой Он означен был еще патриархам, например, Аврааму: и благословятся о семени твоём вси языцы земнии (Быт. 22: 18). Вот почему и Апостол, желая изобразить благодеяния Христовы роду человеческому, сказал, что Бог Отец

благословил нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе (Еф. 1: 3). Вот почему и (духовные пастыри), преподавая заимствованное благословение, обыкновенно употребляют имя Иисуса Христа в особенности, или в составе имени Пресвятой Троицы, и крестное знамение Христово.

Священник есть раздаятель благословения по чину благодатного тайноводства. Еще в первоначальном постановлении о законном священстве Бог сказал священникам: благословите сыны Израилевы. И снова о них же: и да возложат имя Мое на сыны Израилевы, и Аз Господь благословлю я (Числ. 6: 23, 27). И в Новом Завете, когда Господь повелел Апостолам и преемникам их служения до скончания века учить, крестить, вообще тайнодействовать, во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мф. 28: 19). Он положил чрез сие в них силу Своего благословения, и дал им власть преподавать оное. Посему судите, достойно ли внимания благословение священства. Не о том думать должно, какой рукой, или в каком сосуде, но какой Божественной Лозы духовное вино подается через благословение служителя Христова.

Из преподавателей заимствованного благословения родители суть некоторым образом естественные посредники между творческим Словом и своими детьми, поелику некоторым образом довершили над ними дело создания, произведя их на свет. Вот почему естественно важно и сильно благословение родительское, особенно же, если благочестием возвышается до силы благодатной. В сем роде удивительны благословения патриархов. Например, благословение Ноя Иафету: Да распространит Бог Иафета (Быт. 9: 27), теперь, после нескольких тысяч лет, как сильно еще действует в потомках Иафета, европейцах, которые не перестают распространять во все страны света свои поселения, торговлю, власть, религию, нравы»⁸⁰. Итак, родители должны «благословлять детей своих любящим сердцем и стараться возвысить силу своего естественного благословения, привлекая благочестием и верой силу благодатную. Дети! Дорожите благословением родителей тысячекратно более, нежели прочим наследством, ибо через оное по вере можете получить благословение Отца, из Негоже всяко отечество на небесех и на земли именуется (Еф. 3: 15). Делом и словом чти отца твоего и матерь, да найдет ти благословение от них. Благословение бо отчее утверждает дома чад (Сир. 3: 8–9)»⁸¹.

12. Значение добродетелей семейной жизни по отношению к обществу и государству.

«Семейство древнее государства. Человек, супруг, супруга, отец, сын, мать, дочь и свойственные сим наименованиям должности и добродетели существовали прежде, нежели семейство разрослось в народ и образовалось государство. Посему жизнь семейственная в отношении к жизни государственной есть некоторым образом корень дерева. Чтобы дерево зеленело, цвело и приносило плод, надобно, чтобы корень был крепок и приносил дереву чистый сок. Так, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процветала образованностью, приносила плод общественного благоденствия – для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крепка благословенной любовью супружеской, священной властью родительской, детской почтительностью и послушанием, и чтобы вследствие того из чистых стихий жизни семейственной естественно возникали столь же чистые начала жизни государственной, чтобы с почтением к родителю родилось и росло благоговение к государю, чтобы любовь детища к матери была предыгранием любви к отечеству, чтобы простодушное послушание домашнее приготавливало и руководствовало к самоотвержению и самозабвению в повиновении законам и священной власти самодержца, действующей непосредственно или через начальства, от него поставленные.

Из семейств составляется государство, и члены семейств образуются в члены великого состава государственного. Хотя сила общей жизни тела может больше или меньше исправлять частные недостатки и повреждения в здравии членов, но, без сомнения, полнее и совершеннее может она проявлять себя в движениях членов здоровых и неповрежденных. Так, хотя власть государственная может исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной, но тем еще лучше для государства, чем менее нужны сии исправления, чем более здоровых членов семейство представляет в распоряжение государства, чем вернее приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта к употреблению в подвиги и добродетели на поприще жизни общественной»⁸². Поэтому, «если отцы и начальники семейств, по выражению Апостольскому, свой дом добре правят (1Тим. 3: 4); если в своем комнатном владычестве правильно и верно действуют рассудительно употребляемой властью, опытным словом, добрым примером; если содержат своих домашних в порядке и

послушании, вселяют в них страх Божий, любовь к ближним, верность к государю и отечеству, бдительным смотрением охраняют их нравы, то кроме того, что исполняют через это долг, возлагаемый природой, а следственно и ее Создателем, что готовят сами себе плод семейных утешений, кроме всего этого, таковым действованием они совершают и в пользу государства служение, которого благие последствия могут простираться даже до потомства»... «Бог дал Аврааму следующее обещание: и возврату ты зело, зело, и положу ты в народы (Быт. 17: 6). Какая-то была доблесть, которая приобрела Аврааму столь великое и обширное потомственное обетование?

Еще не та единственная доблесть самоотвержения, с каким он, по воле Божией, готов был единородного сына своего принести в жертву; ибо сие было уже после; но не столь беспримерная доблесть мужа непорочного, упражняющегося в домашнем благочестии, дом свой добре правящего, с пожертвованием собственных выгод охраняющего домашний мир и родственное согласие (Быт. 13), с опасностью собственной готового на избавление присных от бедствия (Быт. 14). Итак, Авраам в сем случае представляет образ доблести семейственной, а Божие к нему прощание – образ потомственно благих последствий такой доблести»⁸³.

Напротив, от нарушения законов брака и семейной жизни происходят дурные последствия для детей, общества и государства. Так, «неблагословенный брак лишает благословения Божия семейство. Дети узнают, что их родители не уважали законы, и легко приходят к мысли, что и им не нужно уважать закон более, нежели их родителям. Упадок нравственности, начатый родителями, продолжается в детях и далее. Государство состоит из семейств. Расстроенные составные части расстроят и целое. Посему, естественно ожидать от нарушения законов брака и целомудрия тех общественных последствий, какие изображает Пророк: любоддеяние разлился по земли, и кровь с кровью мешают. Сего ради восплачетя земля и умалится со всеми вселившимися на ней (Ос. 4: 2–3). Когда жены римлян готовы были умереть за чистоту супружества, Рим возрастал и укреплялся. Но когда он погрузился в пороки, противные чистоте супружества, он изнемог перед необразованной, но не расстроенной подобными пороками природой варваров, несмотря на то, что обладал почти всей вселенной»⁸⁴. «Первой причиной несчастья первого мира Моисей полагает неправильные супружества сынов Божиих со дочерьми человеческими (Быт. 6: 1–4)»⁸⁵.

Примечания

- ¹ - Русская Стар., 1886, кн. 8, с. 280.
- ² - «Слова и речи» свт. Филарета цитируются здесь по изданию: т. I – 1873 г.; т. II – 1874 г.; т. III – 1877 г.; т. IV – 1882 г.; т. V – 1885 г.; Катехизис – 1886 г.; «Начертание церковно-библейской истории» – 1857 г.; Записки на книгу Бытия – 1867 г.
- ³ - Катехизис, с. 74.
- ⁴ - Записки на книгу Бытия, ч. I, с. 45.
- ⁵ - Ibid., с. 46–48.
- ⁶ - Библист. ист. 10, ср. Записки на книгу Бытия, I, 49.
- ⁷ - Записки на книгу Бытия, I, 49.
- ⁸ - Ibid. и с. 52.
- ⁹ - Ibid. 49.
- ¹⁰ - Записки на книгу Бытия, I, 95.
- ¹¹ - Ibid., II, 94–95.
- ¹² - Катехизис, 74; Слова и речи, V, 165.
- ¹³ - Собр. мн. и отзыв. Филар., доп. т., с. 220; т. IV, с. 521–522, ср. т. V, ч. I, с. 450–451.
- ¹⁴ - Слова и речи, V, 569; Записки на книгу Бытия, I, 24, ср. П.Ф. к архиеп. Алексию, с. 185.
- ¹⁵ - Записки на книгу Бытия, I, 25.
- ¹⁶ - Слова и речи, IV, 269.
- ¹⁷ - Слова и речи, V, 336, 572.
- ¹⁸ - Собр. мн. и отз. Ф. т. V, ч. I, с. 69; Слова и речи, IV, 376–377.
- ¹⁹ - Слова и речи, V, 291.
- ²⁰ - Ibid. и Сл. IV, 28–29; Катехизис, 75.
- ²¹ - Слова и речи, V, 291, ср. Библист. ист., 290.
- ²² - Катехизис, 75; Слова и речи, IV, 29.
- ²³ - Записки на книгу Бытия, I, 46.
- ²⁴ - Слова и речи, IV, 24–25.
- ²⁵ - Слова и речи, IV, 26.
- ²⁶ - Ibid. и 27.
- ²⁷ - Собр. мнений и отзыв. Фил., т. IV, с. 519–520.

- 28 - Ibid., с. 577.
- 29 - Слова и речи, IV, 27–28.
- 30 - Слова и речи, III, 6–9, ср. Записки на книгу Бытия, I, 104; Слова и речи, V, 537.
- 31 - Слова и речи, III, 99–100.
- 32 - Ibid. и Записки на книгу Бытия, I, 80.
- 33 - Слова и речи, III, 100–102.
- 34 - Слова и речи, IV, 29.
- 35 - Катехизис, 122, ср. Записки на книгу Бытия, 1, 24–25.
- 36 - Слова и речи, II, 114; Катехизис, 121–122, 127.
- 37 - Катехизис, 122.
- 38 - Собр. мн. и отз. Ф., т. V, ч. I, с. 69–70.
- 39 - Ibid. и с. 71.
- 40 - Катехизис, 122–123.
- 41 - Записки на книгу Бытия, I, 48; Катехизис, 28.
- 42 - Записки на книгу Бытия, I, 68.
- 43 - Ibid., I, 46.
- 44 - Слова и речи, V, 195.
- 45 - Ibid., 192–193.
- 46 - Слова и речи, III, 347–349.
- 47 - Ibid., 349, ср. сл. IV, 210.
- 48 - Слова и речи, IV, 211; ср. п. Ф. к А. Н. Муравьеву, с. 77.
- 49 - П. Ф. к Антонию I, с. 254.
- 50 - Слова и речи, III, 350.
- 51 - Письма Фил. к родным, с. 388.
- 52 - Слова и речи, IV, 170.
- 53 - П. Ф. к А. Н. Муравьеву, с. 76.
- 54 - Слова и речи, V, 61, ср. II, 403–404.
- 55 - Слова и речи, III, 350–351.
- 56 - Слова и речи, V, 473–474, 476.
- 57 - Ibid., 474.
- 58 - Слова и речи, III, 351.
- 59 - Слова и речи, V, 474–475, ср. Катехизис, 118.
- 60 - Слова и речи, V, 475–476.

- 61 - Ibid., 272, ср. IV, 611.
- 62 - Собр. мн. и отз. Ф., доп. т., с. 43–47.
- 63 - Слова и речи, V, 250–251.
- 64 - Ibid., 251.
- 65 - Слова и речи, III, 351–352.
- 66 - Слова и речи, V, 252.
- 67 - Слова и речи, III, 351.
- 68 - Собр. мн. и отз. т. III, с. 572.
- 69 - Ibid., с. 576.
- 70 - Катехизис, 115.
- 71 - Слова и речи, II, 109.
- 72 - Слова и речи, IV, 78. ср. III, 111.
- 73 - Слова и речи, III, 112.
- 74 - Ibid., 112–114.
- 75 - Ibid., 114, Катехизис, 119.
- 76 - Катехизис, 115. Слова и речи, III, 114.
- 77 - Катехизис, 115–116.
- 78 - Слова и речи, III, 231–232.
- 79 - Слова и речи, V, 453, ср. III, 233–234.
- 80 - Слова и речи, III, 234–235.
- 81 - Ibid., 286, ср. Катехизис, 116.
- 82 - Слова и речи, IV, 76.
- 83 - Ibid., 77–78.
- 84 - Собр. мн. и отз. Ф., т. V, ч. I, с. 70.
- 85 - Записки на книгу Бытия, I, 107.

Содержание

Учение о семейной жизни святитель Филарет Московский (Дроздов)	1
Предисловие	2
Часть первая. Брак и девство ²	4
1. Брак – таинство, его установление, свойство и назначение.	5
2. Учение о девстве.	9
3. О благословенном рождении детей.	14
4. Обязанности супругов.	18
Часть вторая. Обязанности родителей к детям	21
5. О побуждениях к воспитанию детей.	22
6. О любви родителей к детям и о начальном воспитании детей.	25
7. Учение Слова Божия о воспитании.	27
8. Религиозное образование детей.	30
9. О благочестии как основании воспитания общественного: «ученого, делового, изящного».	32
Часть третья. Обязанности детей к родителям	36
10. О почитании родителей и повиновении им.	37
11. Высокое значение благословения вообще и, в частности, родительского.	41
12. Значение добродетелей семейной жизни по отношению к обществу и государству.	43
Примечания	45